

IX

Итак мы выяснили, насколько позволил это сделать имеющийся материал, при каких социальных условиях могла возникнуть сатира на пьянство с идеологической установкой «службы кабаку». Что же можно сказать о социальной функции этого произведения? Как встретили его читатели, оказало ли оно воздействие и на них, и на последующую литературу? По свойству материала ответы на эти вопросы можно дать лишь более или менее предположительные.

Прежде всего — каково было распространение нашей сатиры? Мы уже указали, что сохранилась она всего в трех списках. Внешний вид их показывает, что они были очень зачитаны: стертые и полустертые строки и буквы, вырванные листы, списки, обнаруживающие потерянный оригинал, тоже уже достаточно испорченный — все это говорит за то, что до нас дошла лишь незначительная часть когда-то существовавших копий «службы кабаку», и что читалась она усердно. Это довольно обычное явление в древней Руси: именно много читавшиеся памятники в ней иногда сохранились в очень малом количестве списков. Ведь «служба кабаку» — это не была та священная книга, которую берегли: это было чтение не только назидательное, но и занимательное, и к такой книге не было привычного уважения. Не забудем и того, что по всем данным этот памятник возник в провинции, довольно глухой; нет ничего удивительного, если списки его, ходившие по рукам, так и оставались где-нибудь в глуши у частных владельцев, не дойдя до крупных книгохранилищ. По счастью, до нас все-таки дошло одно свидетельство о том, что «служба кабаку» действительно была хорошо знакомым произведением, и именно в той среде, какую в ней нарисовал автор.

Новое предисловие, прибавленное к тексту, повидимому в конце XVII в., содержит в себе прямые указания на популярность сатиры и даже говорит о том впечатлении, какое она производила на читателей и слушателей. Посетители кабака, по словам автора этого предисловия, за свое поведение «ни поведания какового чиновнаго быша достоини, не бо хочет кто от них слышати или разглагольствовати. . . про их скаредное житие». И вот «ни некто от обрстшихся писменно издаде, но да удобее привлечет коегождо к слышаню, сотвори повесть аллигореею их чином, сии есть глаголяи и иная изъявляя». Так характеризуется форма изложения, избранная автором «праздника». Этот праздник «им толико сотвори ненавистен, елико единого слова они ярыжные слышати не могут, и не токмо